

ТЕОРИЯ ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ *

АЛЕКСАНДР КУЛИШЕР

Публикуется перевод с французского языка статьи Koulicher A. (1924): La théorie des mouvements des peuples et la guerre civile en Russie // Revue internationale de sociologie. 32: 492-507. В ней впервые представлена в полном объеме теория миграции, разработанная известным русским социологом Михаилом Игнатъевичем Кулишером (1847-1919). Автор статьи Александр Михайлович Кулишер (1890-1942), сын М.И. Кулишера, применил эту теорию отца к изучению Гражданской войны в России. Перевод статьи дополнен предисловием и комментариями к тексту. В предисловии представлена история создания М.И. Кулишером оригинальной теории миграции и ее последующее применение на конкретном материале в работах его сыновей Александра Михайловича Кулишера и Евгения Михайловича Кулишера, которые стали известными специалистами в области изучения миграции.

Ключевые слова: теория миграции, войны и миграции, Михаил Игнатъевич Кулишер (1847-1919), Гражданская война в России (1918-1922).

Предлагаемая вниманию читателя статья Александра Михайловича Кулишера (1890-1942) была опубликована на французском языке девяносто лет назад [Koulicher 1924]. Основываясь на теории миграции, выдвинутой его отцом Михаилом Игнатъевичем Кулишером (1847-1919), автор статьи дает оригинальную трактовку событий в России, вызванных Первой мировой войной. Немецкое наступление и последующие события, как отмечает А.М. Кулишер, вначале привели к центростремительному движению огромных человеческих масс с фронта. События Гражданской войны он трактует как обратное военное движение, по сути, вооруженную миграцию этих масс из центра по направлению к периферии (на юг и восток) в борьбе за ресурсы районов-производителей. После победы большевиков наступает голод 1921-1922 гг., за которым следует стабилизация. Таким образом, А.М. Кулишер задолго до современных исследователей – и его приоритет в этом сегодня признается – показал роль конфликта между центром и периферией в Гражданской войне в России [Ferrara 2011].

АЛЕКСАНДР КУЛИШЕР (1890-1942).

* ПЕРЕВОД ОРИГИНАЛЬНОЙ СТАТЬИ ALEXANDRE KOULICHER (1924). LA THÉORIE DES MOUVEMENTS DES PEUPLES ET LA GUERRE CIVILE EN RUSSIE // REVUE INTERNATIONALE DE SOCIOLOGIE. N° 32: 492-507.
ПЕРЕВОД ИННЫ ПЕРЕСАДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ МАРКА ТОЛЬЦА.

МАРК ТОЛЬЦ, ИЕРУСАЛИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. ИЗРАИЛЬ. E-MAIL: mark.tolts@mail.huji.ac.il.

СТАТЬЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В АПРЕЛЕ 2014 Г.

В публикуемой статье А.М. Кулишер подробно знакомит с миграционной теорией своего отца. М.И. Кулишер оставил неоконченным «огромный труд (написанный на немецком языке)», который имел название «Войны и переселения», как было сказано в напечатанной вскоре после его кончины краткой информации [А. 1920]. В первоначальном виде теория миграции была сформулирована М.И. Кулишером в статье «Механические основы передвижения масс», появившейся в 1887 г. в журнале «Вестник Европы» [Кулишер 1887] (сейчас ее можно прочитать в Читальном зале Демоскопа Weekly – <http://demoscope.ru/weekly/knigi/kulisher/kulisher.html>). Разработке оригинальной теории миграции М.И. Кулишер отдал более четырех десятилетий (вплоть до своей смерти).

Два его сына – к усилиям А.М. Кулишера в конце 1920-х годов присоединился Е.М. Кулишер (1881-1956) – впоследствии с блеском развили теорию отца в своих работах, посвященных изучению мировых миграционных процессов. В 1932 г. вышла книга братьев «Войны и миграции. Всемирная история как движение народов» [Kulischer, Kulischer 1932]. В ней полностью представлена теория Кулишеров, а история миграций в Евразии рассмотрена с VII до начала XX века.

А.М. Кулишер погиб в вишыйском лагере в 1942 г. После его смерти Е.М. Кулишер один продолжал исследования миграции, которые принесли ему мировую известность. В 1943 г. он публикует под эгидой Международного бюро труда книгу «Перемещения населения в Европе», в которой дается подробный обзор миграций на этом континенте за период, прошедший после начала Второй мировой войны [Kulischer 1943]. Введенному в ней понятию «перемещенные лица» было суждено потом еще долгие годы оставаться на слуху, пока проблема этой части жертв войны не нашла своего решения. В 1948 г. была опубликована другая книга Е.М. Кулишера «Европа в движении: война и изменения населения, 1917-1947» [Kulischer 1948]. Период, который рассматривается в этой книге, на самом деле больше указанного в ее заглавии, поскольку там анализируются также миграции в России, вызванные Первой мировой войной.

К настоящему времени накопилась немалая литература, посвященная Е.М. Кулишеру [Ferrara 2011; Schlögel 2005]. В ней обычно его младший брат упоминается прежде всего как соавтор книги, опубликованной в 1932 г., а роль отца и вовсе остается не проясненной. Публикуемая статья позволяет восполнить этот пробел. Более подробно о вкладе всех трех членов семьи Кулишеров в мировую миграциологию в [Тольц 2014].

Марк Тольц.

* * *

В знаменитом отрывке из романа «Война и мир» Толстой обрушивается на профессиональных историков, которые из-за своего преклонения перед великими людьми – слепым орудием неведомых сил – игнорируют огромные стихийные движения масс, подлинную суть истории. Создают ли они, например, что все революционные и наполеоновские войны – это не что иное как постоянное движение людских масс с Запада на Восток, движение, на каждом этапе которого западные народы вторгаются к своим восточным соседям, побеждают их, а затем побежденные, в свою очередь, вовлекаются в движение, направленное против собственных соседей на востоке, – и вот уже армии,

собранные по всей Западной и Центральной Европе вторгаются в Россию? И тут-то это движение достигает кульминации, затем следует нерешительное колебание, а далее отступление, все более и более ускоряющееся; идет движение назад, и тот же процесс повторяется шаг за шагом, только в обратном направлении и быстрее; все оканчивается во Франции, там, где началось первоначальное движение, и теперь уже Франция захвачена, в свою очередь, армиями всей Западной и Восточной Европы.

Не обязательно разделять общую «нигилистическую» идеологию Толстого чтобы признать, что в данном случае он увидел неоспоримую историческую правду, что его взгляд на наполеоновскую эпоху, наряду с другими, имеет, по меньшей мере, право на существование, что в нем есть что-то, заслуживающее обдумывания и требующее объяснения. Мы и в самом деле убеждаемся, что военные и политические события огромной сложности, если их рассматривать с достаточно большого расстояния, представляются вдруг как очень простое механическое действие, абсолютно упорядоченное и, как это ни странно, имеющее свою внутреннюю логику!

Не дает ли это оснований предположить, что за нагромождением самых разных причин и тенденций кроется некая единая тенденция, простая и мощная, подобная глубинному течению, которое заставляет массы воды двигаться в одном направлении, в то время как на поверхности кажется, что вода колыхается то туда, то сюда? Можно ли предположить какую-либо гипотезу о природе этой тенденции?

После всех споров об экономическом развитии Франции в XVIII веке трудно сомневаться в том, что экономический прогресс отнюдь не шел в ногу с ростом населения. Не опасался ли Ролан¹ в 1792 г. массы людей, ничем не занятых, нищих и беспокойных, готовых все громить внутри страны, если они не найдут себе занятия на войне? Эти соображения, быть может, не были чужды сторонникам Жиронды с их воинственной политикой и, что намного важнее, были весьма вероятной причиной небывалого порыва добровольцев в первый период войны. Похоже, что Франция в тот момент была буквально переполнена не только идеями, но и людьми. Она шла, расталкивая народы, гоня их перед собой, и в то же время возбуждала их революционными идеями, спланивала с помощью новых методов управления.

Метод «кормить войну войной», т.е. обеспечивать армию продовольствием, используя ресурсы захваченных стран, финансировать военные кампании за счет контрибуций, накладываемых на завоеванных, был обоснован Наполеоном, но уже практиковался его революционными предшественниками (как и всеми завоевателями прошлых времен). Этот метод был не только способом оплачивать войну, но, по сути (хотя Наполеон об этом, безусловно, не думал), – способом содержать большую массу французов в других странах за их же счет. И на каждом шагу вчерашние побежденные, испытавшие бесчинства победителей, присоединялись к их армии и наверстывали потерянное, помогая им завоевывать новые территории, захватывая свою долю новой добычи. Однако, несмотря на то, что движение продолжалось в каком-то смысле автоматически, его первоначальный импульс мало-помалу иссякал; полнокровное вначале бурление масс по мере того, как

¹ Жан-Мари Ролан де Ла Платьер (1734 - 1793). В 1792 г. министр юстиции Франции. – М.Т.

война становилась все более кровопролитной, превращалось в свою противоположность: в огромную слабость и крайнюю усталость.

Мы знаем об отчаянном положении обескровленной Франции в конце наполеоновских войн, о «преждевременных» и все более беспощадных рекрутских наборах, о дезертирстве и т.д., что объясняет в достаточной мере скорость отступления, как только направление движения изменилось. Иными словами, революционные и наполеоновские войны, по сути, – явления того же порядка, что и перемещения варварских племен, которые движутся, выталкивая друг друга, образуя иногда гигантские волны, подобные той, самой известной, которая зародилась у подножья Великой Китайской стены и в конце концов поглотила Римскую империю.

Я лишь намечил тезис (даже не намереваясь его доказывать), развитый опирающимся на богатейшие материалы покойным русским ученым Михаилом Кулишером². Но у него это лишь применение общей теории; он разрабатывал ее в ходе исследования, охватывавшего всю историю средневековья и современности. И миграции IV и V веков, и наполеоновская эпоха служат лишь поразительными примерами движения в определенном географическом направлении, какое, по-видимому, встречается во все эпохи. И в каждую эпоху можно было бы выделить преобладающее направление движения народов: всякий раз оно прослеживается в равной степени как в нашествиях и завоеваниях, так и в мирных миграциях.

Объясняя этот факт, Кулишер обращается к учению Мальтуса³. Согласно Мальтусу война, наряду с нищетой и «проказами», является, по-видимому, следствием

² 1847-1919 гг. Он автор многих работ по вопросам этнографии, мифологии и сравнительной истории цивилизаций, в том числе книги «Жизнь Иисуса» (изданной в 1879 г. за рубежом, чтобы избежать русской цензуры [здесь явная опечатка – упоминаемая книга была опубликована раньше: [Kulischer 1876] – М.Т.]). Он был первым, кто сформулировал в этой книге «мифологическую теорию» (жизнеописание Иисуса, по-видимому, является некой формой мифа о зерне пшеницы) задолго до вавилонских открытий, ставших основой современной «мифологической» школы. Что касается теории движений, она является темой его книги, результатом сорокалетней работы, оставшейся незаконченной.

³ Не обязательно принимая его как абсолютную догму. Теория роста населения более быстрого, чем рост средств к существованию, может оказаться верной для большинства народов на протяжении истории, этого вполне достаточно для обоснования теории Михаила Кулишера, даже если она и не обязательно является непреложным законом для всех народов и времен. Само собой разумеется, «заселена» страна больше или меньше, зависит не от соотношения численности населения и размера территории, а от соотношения между населением и количеством средств к существованию; это соотношение, понятно, не рассматривается с точки зрения абстрактных возможностей, но учитывает фактическую ситуацию, т.е. состояние сельскохозяйственного и иного производства у данного народа в данную эпоху. Таким образом (как это недавно напомнил Дж.М.Кейнс), Россия накануне мировой войны со всеми своими природными богатствами, хотя она и менее заселена с точки зрения соотношения числа жителей и размера территории, оказалась более «перенаселенной», чем Западная Европа из-за отсталости своей экономики ([Кейнс 1991] – М.Т.). Обескровленная войной, она тем не менее стала еще более «перенаселенной» из-за послевоенного крайнего разорения своей экономики вплоть до великого голода 1921-1922 гг., который, в конце концов, и распорядился избытком населения.

В отличие от ортодоксальной теории Мальтуса, Кулишер вполне допускает возможность технического развития, которое способно значительно улучшить соотношение между ростом населения и увеличением средств к существованию. Но он настоятельно подчеркивает, что наряду с техникой в буквальном смысле слова, существует также «социальная и политическая техника», более или менее развитая. Система классовых привилегий, неразумная налоговая политика и т.д. могут чрезвычайно сильно тормозить расцвет производительных сил страны или исказить его результаты и тем самым ограничивать количество средств к

перенаселенности и одним из «способов», используемых природой, чтобы избавиться от избытка населения. Но существующее в какой-то данный момент соотношение между численностью населения и количеством средств к существованию всегда различается от страны к стране. Имеются центры более или менее интенсивного скопления населения, а с другой стороны, – относительные пустоты. Физический закон сообщающихся сосудов, «тенденция к равновесию» применимы также, в некоторой мере, и к распределению человечества по земной поверхности.

«Излишнее» население всегда придерживается линии наименьшего сопротивления: несоответствие между населением страны и средствами к существованию толкает людей к эмиграции или к завоеваниям; иммиграция, даже мирная вначале, способна превращаться в военное вторжение, если наталкивается на сопротивление. Но иммиграция или вторжение могут создать или обострить такое же несоответствие в завоеванной стране; если ее население не может остановить наплыв людей, жертвой которого оно оказывается, ему придется в свою очередь искать выход. Таким образом, движение будет следовать уже принятому направлению, пока оно не будет остановлено естественными препятствиями или слишком сильным сопротивлением⁴.

существованию, которыми располагает страна. Пока народ не сумеет провести необходимые реформы, страна будет «перенаселена» так же, как и вследствие неустрашимых причин; последствия будут абсолютно те же.

⁴ Здесь имеется недостаточно ясный пункт в теории Кулишера. Что такое линия наименьшего сопротивления? Что такое слишком сильное сопротивление, которое останавливает движение? Исходя из простой логики, следовало бы сказать, что это зависит в каждом отдельном случае, с одной стороны, от интенсивности напора миграции в определенном направлении (следствия более или менее сильной перенаселенности страны исхода и иммиграции, которую она сама принимает), а с другой стороны, от более или менее сильной перенаселенности, уже существующей в захваченной стране, и от возможности ее населения, в свою очередь, найти исход в направлении, противоположном тому, откуда идет вторжение. Является ли это действительно единственным и решающим фактором в борьбе народов за территории? Михаил Кулишер нарочито остерегается абсурдного утверждения, что от этого фактора зависит военный исход вооруженных конфликтов. Миграции, вызванные перенаселением, и необходимость преодолеть сопротивление, противостоящее этим миграциям, и в самом деле являются, по его мнению, главными причинами войн. Но из этого вовсе не следует, что победа будет гарантирована завоевателю, какое бы давление «излишнего населения» за ним ни стояло и как бы ни была «пуста» захваченная страна. С военной точки зрения «давление» избыточного населения, стоящее за одной из воюющих сторон, важно, так как оно легко обеспечивает пушечное мясо. Это обстоятельство действительно очень существенно, но не только оно решает исход сражений. При этом Михаил Кулишер отмечает, что, когда нет возможности прибегнуть к военной силе, потокам мигрантов часто удается достичь своих целей путем мирной инфильтрации, даже если они встречают сопротивление.

Иммигрантам иногда удается в большом числе проникнуть на какую-то территорию, даже несмотря на явно враждебное отношение местного населения: достаточно вспомнить о желтой иммиграции в Соединенные Штаты [имеется в виду китайская и японская иммиграция. – М.Т.]. Иногда в борьбе за реальное владение территорией - физическое и экономическое - народу, даже и полностью безоружному, удается оттеснить другой народ, хотя он и является абсолютным военным и политическим хозяином этой территории. Так произошло в польских провинциях Пруссии с немцами, которые в последний предвоенный период, несмотря на жестокую политику германизации, не только потерпели фиаско в своих планах колонизации, но вынуждены были беспомощно наблюдать отступление и эмиграцию немецкого элемента, обосновавшегося уже давно в этих провинциях, под давлением поляков, подпитываемых сильной иммиграцией со стороны русской Польши. Можно сколько угодно умножать эти примеры, но столь же легко привести и примеры слабозаселенных стран, которые сумели поставить надежный заслон «нежелательным» миграциям, хотя их соседи страдали от значительного перенаселения; так Австралия, «пустой континент», полностью исключила азиатскую иммиграцию.

В подобных случаях иммиграции либо вовсе не будет, либо она превратится в завоевание, и, в конечном счете, все решит военная сила. Войны римлян и варваров, войны между европейцами и туземцами в колониях - многочисленные примеры крупномасштабных вторжений, настоящих миграций, приведших к исчезновению

Но на самом деле равновесие никогда не бывает достигнуто. Стоит движению остановиться, и новые центры концентрации возникают в местах, которых оно достигло. Натолкнувшись на преграду с одной стороны, поток прокладывает себе дорогу в другом направлении. Стало быть, момент окончательной остановки движения в одном направлении всегда становится моментом начала движения в противоположную сторону.

Действие этой механики просто и очевидно на ранних стадиях социальной эволюции, когда физическое перемещение части населения – единственный способ преодолеть недостаток средств к существованию, когда вторжение – это не что иное как вооруженная миграция, когда приход одних племен на земли, заселенные другими, автоматически ведет к войне; простая и явная цель завоевателя – истребить или изгнать жителей, чтобы обосноваться на их месте.

На высших стадиях развития суть процесса остается той же, но его формы становятся все более разнообразными и сложными. Наряду с колонизацией в прямом смысле слова (насильственной или мирной), различные формы ограбления побежденных, эксплуатация покоренных народов, подвластных победителю, становятся также способом найти экономическое «место», недостающее на родине завоевателей. Вдобавок завоевания решают проблему средств к существованию, не только открывая новые возможности для части победителей, но также способствуя обогащению страны – победительницы за счет труда рабов, взимания дани, создания и монополизации рынков и др. В конце концов, в XIX веке колоссальное развитие производства и международных обменов становится фактором первостепенного значения, разрывая мертвую хватку мальтузианского закона, ослабляя у преуспевающих народов пресловутое «давление населения на средства к существованию», которое вынуждает к эмиграции.

Снижение рождаемости у некоторых народов действует в том же направлении: такие народы, как французы, например, – это «потухшие вулканы», извержения которых уже можно не опасаться, если их не тревожить. С другой стороны, избыток населения, как правило, уже не накапливается в одном месте в ожидании момента, когда он обрушится лавиной на соседей; развитие транспорта, смягчение международных нравов и др. делают возможными непрерывные миграционные потоки, дисперсные и мирные, которые вызывают меньше сопротивления, чаще и быстрее меняют направление.

Но всегда существует угроза внезапных потрясений, источником которых могут быть отсталые страны, – экономически отсталые или даже достаточно развитые в промышленном и торговом отношении, но сохраняющие политический или социальный

целых племен, которые, столкнувшись с меньшими, но обладавшими более совершенными оружием и тактикой силами, утонули в море крови, были почти полностью истреблены или были вынуждены изменить направление своего движения. Сам Михаил Кулишер, прогнозируя провал немецкого нашествия в западные страны (см. ниже), исходил в своем убеждении не из большей концентрации населения в этих странах (чего в самом деле вовсе не было), а просто из решимости этих народов остаться хозяевами в своем доме – решимости, которая опиралась на адекватные людские и промышленные ресурсы. Как он и предвидел, этого сопротивления оказалось достаточно, чтобы повернуть движение вспять. По-видимому, надо просто признать факт, что неприступная сила обороны, противостоящая движению, в какой-то момент сама становится «условием задачи», т.е. действует так же, как непреодолимое естественное препятствие (подобно морю для людей, не знающих мореплавания), которое останавливает поток и заставляет его повернуть вспять.

строй, унаследованный от воинственных эпох, подвластные милитаристским олигархиям, которые присваивают и извращают результаты экономического развития.

Стоит подобному потрясению резко усилить поток, стоит этому потоку столкнуться с необычным препятствием, и он вновь станет необузданным, подобно горному водопаду. За взрывом, произошедшим в одной точке, неизбежно последуют другие. Ибо в современных условиях, сколь ужасной ни была бы военная бойня, проблема средств к существованию будет не менее ужасной, так как она будет обострена разорением и расстройством огромного торгового механизма, от которого зависит труд и насущный хлеб гигантских населений. Бездействие этого механизма будет побуждать народы вернуться к старым способам военного грабежа, к завоевательным миграциям, к насильственной колонизации.

Я стремился наметить основные линии теории, подтолкнувшей к специальному исследованию. Судить же о самой теории, не зная всей огромной совокупности фактов, на которые опирался ее автор, разумеется, сложно. Добавлю только, что некоторые предвидения, к которым привел его метод, блестяще оправдались - и в столь немислимом масштабе. Он был, вероятно, единственным человеком на свете, который за несколько лет до мировой войны предвидел ее неожиданную развязку: одновременный отход Германии на запад и жестокую ампутацию территории России, воевавшей на стороне победителей.

Согласно мнению Михаила Кулишера, русско-японская война была окончательным завершением движения русского населения на восток, которое заполнило последнюю четверть XIX столетия и выразилось в мощном движении колонизации Сибири, а затем и в проникновении в Маньчжурию. Но русская экспансия на Дальнем Востоке столкнулась с китайско-японским движением в обратном направлении, она была остановлена и обращена вспять. С тех пор движение в России меняет направление. Иммиграция в Сибирь все больше ослабевает, усиливается движение реэмиграции из Сибири в Европейскую Россию. Отмечается сильный наплыв русских, в частности, русских евреев в Польшу. Поляки горько жалуются: русификация, которая потерпела неудачу, пока она была только государственной политикой, внезапно начинает делать успехи под действием естественных сил. Поляки нападают на евреев, как на местных, так и на иммигрировавших, организуя экономический бойкот; во время войны за этим последуют становящиеся системой политические доносы русским властям. Административное выделение Холмского края (на границе Польши и Украины) из Царства Польского⁵ – выделение, провозглашенное в 1913 г. российским законодательством вопреки яростным протестам поляков, но основанное на убедительных статистических данных, свидетельствующих о растущем перевесе русских и украинских элементов в этом крае, – также стало значительным фактом, свидетельствующим о направлении движения масс. Продолжением этого же движения на запад стала иммиграция поляков в Германию: в немецкую Польшу, откуда они вынуждали немецкие и еврейские элементы эмигрировать внутрь страны, но также и в восточные части самой Германии, где приток польских сельскохозяйственных рабочих, покорных и низкооплачиваемых, был с готовностью встречен крупными землевладельцами; он

⁵ Часть Польши, входившая с 1815 г. в Российскую Империю. – М.Т.

частично вытеснял немецких рабочих и усиливал движение, которое толкало сельских жителей в большие города. Однако эмиграция из самой Германии в Америку почти прекратилась. Главной причиной этого спада был, несомненно, резкий подъем немецкой промышленности. Но Михаил Кулишер отмечает, что существовала и искусственная причина, которая привела к тому, что эмиграция сократилась еще больше, чем можно было ожидать: это была система страхования от нетрудоспособности, которая приковывала немецкого рабочего к родной земле; если он эмигрировал, то терял результат своих обязательных накоплений. Впрочем, и другая причина внезапно обострила перенаселение, ограничивая средства к существованию населения. Численность немецкого населения превысила возможности сельского хозяйства страны. Их вполне можно было пополнить ввозом продовольствия в обмен на промышленную продукцию; можно было бы избежать любой беды, если бы индустриализация Германии сопровождалась, как когда-то в Англии, принятием системы свободной торговли. Но этому препятствовали интересы аграрного и милитаристского дворянства. Начиная с 1900 г. система чрезмерного аграрного протекционизма, оправдываемая военными нуждами, наложила тяжелейшую дань на население городов. Накануне войны в Берлине хлеб стоил в два раза дороже, чем на мировом рынке.

За огромной производительностью и кричащей роскошью в Германии скрывалось серьезное недоедание масс; в 1912-1913 гг. голодные бунты вспыхивали даже в Берлине. Не было ничего удивительного в том, что немецкие власти, зажатые между абсолютной необходимостью оберегать юнкеров и растущей угрозой социализма, видели свое спасение только в войне, в колониальной экспансии и насильственной монополизации рынков и источников сырья. Перенаселение Германии, ставшее результатом политики правящих классов, так же как и естественных причин, было, тем не менее, совершенно реальным. Оно проявилась в катастрофическом взрыве.

Однако Михаил Кулишер несколько не сомневался, что на Западе поток натолкнется на непреодолимое препятствие. В самом деле, немецкая экспансия угрожала заокеанским народам, равно как Франции и Англии. В Америке все более и более строгие ограничения иммиграции свидетельствовали о насыщении страны. Некоторые английские колонии, такие как Австралия, обеспечили исключительное благосостояние своим народам благодаря осторожной и расчетливой иммиграционной политике. В случае немецкой победы им бы угрожали одновременно и колонизаторские планы самой Германии, и небывалый поток иммигрантов из разоренной Западной Европы. Поэтому их судьба решалась, в самом прямом смысле, на французской земле. Все эти силы без колебаний присоединились к защитникам «границ свободы». Но признание того, что Германия не могла проложить себе путь на запад, равносильно утверждению, что все предшествующее движение в этом направлении близилось к концу. Немецкий взрыв свидетельствовал о резкой остановке потока, который, двигаясь с востока, достиг Германии и там застыл. Теперь этот поток должен был резко повернуть вспять. Вот почему Михаил Кулишер опасался, что война плохо кончится для России.

Напомним кратко главные события мировой войны. Она началась немецким вторжением в западном направлении и русским вторжением в восточную Пруссию и Галицию; затем одновременное поражение Германии на Марне и России в Танненберге;

застрявший в неподвижности немецкий фронт во Франции, отброшенный после прихода американцев до Рейна (почти до Рура!). С другой же стороны, победоносное наступление немцев против России, которое привело к оккупации всех балтийских стран, Литвы, Польши, Белоруссии, распространившейся также на весь юг России, вплоть до Кавказа. Мы должны признать, что кульминация движения и его поворот, которые предвидел Михаил Кулишер, проявились даже в военных событиях.

Итак, немецкого вторжения в Россию, самого по себе недолговечного, оказалось достаточно, чтобы спровоцировать общее движение в восточном направлении (которое мы исследовали, пользуясь методом Михаила Кулишера). «Инородные» западные народы не только отделились от России после ухода немцев, но началась их активная экспансия на восток: завоевание Польшей обширных литовских, белорусских и украинских территорий с явно колонизаторской целью; значительная иммиграция латышей, эстонцев, финнов в Россию. Эти знаменитые «латыши» сыграли заметную роль в большевистской армии и администрации.

С другой стороны, в самой России движение, начатое в 1917 г. массовым и спонтанным возвращением с фронта солдат, грозных завоевателей своей родины, сеявших вокруг себя анархию, превратилось в 1918-1920 гг. в настоящую вооруженную миграцию. Новый «центр концентрации» зародился в Центральной и Северной России, в этом районе – «потребителе зерна», который был вынужден его ввозить (до 150 млн пудов в год) в обмен на продукцию своей высокоразвитой промышленности, зависевшей, в свою очередь, от топлива и сырья, которые поступали из других частей империи. Полная дезорганизация транспорта, серьезная уже начиная с 1915 г., обострилась из-за анархии в 1917 г. и привела к страшному продовольственному и топливному кризису в этом районе. Захват врагами месторождений угля (Донецкий бассейн) и нефти (Баку) к 1918 г. завершил разрушение промышленности в центральной России.

Именно рабочее население этого района первым было завоевано большевизмом; именно здесь в первую очередь большевики захватили власть, грабили богатых в городах, отбирали продовольствие в деревне; именно здесь развился «коммунистический» режим, вследствие чего сельское хозяйство этого района, уже неспособное прокормить население, еще больше пришло в упадок. Затем Центральная Россия обрушилась отчаянным бурным потоком на районы – «производители хлеба» на востоке и на юге. Начались миграция и гражданская война, и это было почти одно и то же. Города центральной России страшно обезлюдели, даже деревня этого потребляющего района испытала сокращение населения⁶.

⁶ С 1917 по 1920 г. Петроград потерял 53% своего населения, Москва - 40%, города «центрального промышленного района» (вокруг Москвы) - 31%. Верно, что было общее бегство из города в деревню, хотя уменьшение населения в городах «производящих» районов было значительно меньшим (от 5 до 19% в зависимости от района). Но что явно указывает на направление движения (которое, впрочем, бросалось в глаза), это уменьшение сельского населения «потребляющих» районов (примерно на 2% в 1917-1919 гг.), хотя оно и пополнялось за счет городского населения. Напротив, в сельских местностях «производящих» районов население увеличилось. Очень любопытные статистические данные, слишком сложные, чтобы приводить их здесь, показывают, что самый большой прирост отмечался в районах, которые были главным театром военных действий. Это те районы, которые привлекали эмигрантов так же, как и воевавших, и которые были самыми богатыми с точки зрения сельскохозяйственного производства на душу населения в 1917 г.

Толпы голодающих направлялись в «производящие» районы. Они часто стремились захватить землю. Большевистское правительство организовывало это движение, создавая «сельскохозяйственные коммуны» и «советские хозяйства», даже отдавая приказы о массовом заселении, в частности, в местах проживания донских казаков, что объясняет яростное сопротивление этих казаков «советскому режиму».

Красные отряды действовали таким же образом, реквизируя продовольствие для себя и для районов, из которых они приходили. Все походы большевиков были, в действительности, крупными экспедициями по снабжению. Это было если не целью правительства, то по меньшей мере, целью солдат, которые воевали не во имя теории Ленина, а во имя хлеба.

Это была также истинная функция «коммунистического режима», позволявшая значительной части населения городов Центральной России, уже почти не занимавшегося никаким полезным трудом, жить за счет государства, создавая гигантскую и паразитирующую бюрократию (в 1920 г. в Петрограде один чиновник приходился на четырех жителей!), в то время как само государство жило, грабя деревню и сельскохозяйственные районы.

Именно Центральная Россия стала цитаделью советского правительства: там оно набирало свои армии, своих «агитаторов», сотрудников своих администраций; отсюда они отправлялись завоевывать остальную часть империи.

Но большевики побеждали лишь до тех пор, пока следовали спонтанному движению масс, организуя его. Поэтому, когда они пытались повернуть фронт на запад, их ждало только поражение: это был действительно путь к «мировой революции», но не к той, которая обеспечивала солдат хлебом. Напротив, двигаясь на восток и на юг, большевики чувствовали за собой громадный натиск голодных людей, устремленных в богатые края, что обеспечивало их победу.

На востоке Красная армия продвигалась, почти не отступая, оттесняя силы противника, которые таяли понемногу и рассеивались на огромных пространствах. Она побеждала и на юге, но здесь борьба была более напряженной, потому что движение с севера на юг (ответвление мирового движения с запада на восток) сталкивалось с другими вторжениями, идущими непосредственно с запада: немецким, галицийским, польским, - и к тому же уперлось в тупик, так как путь преграждало Черное море. Армии, подобно волнам, набегали и откатывались до тех пор, пока миллион человек или около того не были буквально сброшены в море; осколки Белой армии и присоединившиеся к ним толпы беженцев, эвакуированных из Одессы, Новороссийска, Крыма в Константинополь и Галлиполи, на средиземноморские острова вплоть до Африки, затем рассеянные в балканских странах и по всей Европе, – эта «зарубежная Россия» в какой-то мере представляет собой перехлестнувшую через край часть потока, двигавшегося с севера на юг России.

Но вооруженная миграция и «коммунистический режим» – продукт разорения индустриальной страны – разоряли, в свою очередь, сельскохозяйственную страну. Ужасающий процесс сокращения обрабатываемых земель, давший о себе знать впервые в

Центральной России, распространялся, подобно эпидемии, следуя за большевистскими завоеваниями. Великий голод 1921-1922 гг. на Волге и на юге Украины стал истинным окончанием мировой войны: движение, вызванное несоответствием между населением и средствами к существованию, создавало еще большее несоответствие в тех местах, на которые оно распространялось. Везде были видны последствия вызванного им истощения ресурсов затронутых стран: от перенаселенности в Германии до полуголода в Центральной России в 1917-1919 гг. и даже до гибели населения целых районов, которое, не находя выхода, умирало на месте.

Затем миграционное движение меняет направление. Голодающие в Поволжье, правда, ринулись в Азию, «к индийскому королю». Но они могли только погибнуть в пути или повернуть назад. Советское правительство разработало новые планы колонизации, но было вынуждено от них отказаться из-за противодействия населения, и уже начало вырисовываться движение в противоположном направлении. Начиная с 1921 г. коренное население Средней Азии, которое из-за прекращения торговли отказалось от выращивания хлопка в пользу зерновой продукции, принуждало русских переселенцев к экспатриации. В последующие годы подобное движение «деколонизации» достигло Сибири и некоторых районов востока Европейской России. Уступая давлению населения, московское правительство было вынуждено расширить автономию «братских республик», которые этим воспользовались, чтобы изгнать переселенцев, пришедших с большевиками или более ранних. В 1922 г. «сельскохозяйственные коммуны» и «советские хозяйства» были почти полностью ликвидированы, а земли оставили местным крестьянам.

С другой стороны, статистические данные указывают (начиная с 1921 г.) на возвращение населения в города Центральной России, которые в 1924 г. почти достигают прежнего числа жителей (в Москве оно даже превышено). Приток идет с востока и юга⁷, он включает и голодающих, которые добираются до Москвы, несмотря на жесткие меры, принимаемые властями, и ужасные толпы беспризорников, которые были и остаются типичной чертой улиц советской столицы. С тех пор это новое движение не прекращается.

Это означает, что ситуация изменилась на противоположную. Какими бы ужасными ни были непосредственные последствия победы большевиков, она восстановила мир и возможность обмена между промышленными районами и районами –поставщиками топлива и сырья. «Коммунистический режим»⁸ исчез вместе с обстоятельствами, его породившими (так называемая «новая экономическая политика»). Экономическая жизнь медленно восстанавливается. И это восстановление началось там же, где началось разрушение: в Центральной России. Именно там восстановилась торговля, благодаря потребностям самой советской власти. И если здешняя деревня первой пострадала от опустошений «коммунизма», то она также первой (по политическим соображениям)

⁷ С 1920 по 1923 г. население Москвы увеличилось на 50%, Петрограда на 45%, городов центрального промышленного района на 20%, городов северных и западных районов на 8%; с другой стороны, население городов центрального сельскохозяйственного района (центр-восток) увеличилось лишь за счет естественного прироста (на 3%); у населения городов Сибири не было даже и этого прироста, оно увеличилось на 1%. Наконец, города Поволжья потеряли 4% своего населения, города юго-востока - 7%, города юга Украины - 17% своих жителей (данные о населении сельских местностей были еще не опубликованы).

⁸ Имеется в виду политика Военного коммунизма, проводившаяся в Советской России в 1918-1921 гг. – М.Т.

почувствовала поддержку правительства после завоевания более богатых районов. Она также первой получила выгоды от «новой политики».

Начиная с 1921 г., в этом районе происходит непрерывный подъем земледелия (стимулированный, возможно, привилегированным положением крестьян, живущих вблизи больших городов, так как состояние транспорта оставалось плохим); в то же время в остальной части Республики обрабатываемые земли продолжали сокращаться. Улучшение положения с продовольствием, начиная с 1922 г., облегчило в свою очередь медленный подъем промышленности, ускорившийся с 1923 г. после почти полного восстановления железнодорожного транспорта. Начиная с 1923 г., вместе с исчезновением последних следов «коммунизма» в деревне (замена «продналога» денежным обложением) наблюдается общий подъем сельского хозяйства, особенно на юге, что обеспечивает снабжение продовольствием центра. Но на востоке и юго-востоке, где ущерб, нанесенный войной, был более серьезным, а восстановление – более трудным из-за засушливого климата, положение остается еще тяжелым. Здесь обработанные земли сократились еще на треть⁹, а урожаи были низкими; в 1924 г. этим районам вновь угрожает серьезный голод. Причина этого – эмиграция, до тех пор мирная и благоприятная для возрождения Центральной России, но таящая опасность в будущем. И в самом деле, иммиграция в города центральной России идет быстрее, чем поглощение новопривывших промышленностью, отсюда значительное и уже опасное увеличение числа безработных (с 1,2 до 1,6 млн летом 1924 г.). Так как ожидается, что из-за плохого урожая этого года приток в города удвоится, в официальных документах¹⁰ звучат достаточно откровенные опасения по поводу возможной дестабилизации режима и принимаются меры, чтобы помешать голодным крестьянам ринуться в Москву.

Достигнув победы на крыльях движения масс, из-за резкого поворота этого движения большевики оказываются под угрозой до тех пор, пока они не смогут его упорядочить, используя для экономического восстановления или... для внешней авантюры. Не лишено интереса совпадение между изменением направления миграционного движения в России и сменой (быть может, неосознанной) ориентации внешней политики советской власти: вместо знаменитых планов проникновения в Азию, «колониальной революции» и др., о которых уже никто не вспоминает, наблюдается более активная политика на западной

⁹ В районах-«потребителях хлеба» (центр и север) площадь обрабатываемых земель упала в 1920 г. до 65% площади 1916 г. (которая уже тогда было ниже довоенной); теперь она вновь выросла до 72% в 1921 г., до 82% в 1922 г. и до 89% в 1923 г. На Украине крестьяне были в некоторой мере защищены, благодаря переменчивости военной удачи: до 1920 г. ни одна из сражающихся сторон не могла здесь прочно обосноваться, чтобы грабить села. Площадь обрабатываемых земель здесь уже в 1921 г. достигла 91% площади 1916 г. Лишь в 1921 г. Украина почувствовала тяжесть «продналога», вследствие чего площадь обработанных земель упала до 76% в 1922 г., чтобы затем увеличиться в 1923 г. после реформы продналога до 89% площади 1916 г.; в 1924 г. прежняя площадь, кажется, была восстановлена. Но в районах - «производителях хлеба» Великороссии (центр-восток и восток) и на юго-востоке (Дон и Северный Кавказ) реквизиции, проводимые Белой и Красной армиями, и «военный коммунизм» нанесли еще больший ущерб: по сравнению с 1916 г. площадь обрабатываемых земель составляла соответственно 73 и 64% в 1920 г., 64% в 1921 г., 55 и 48% в 1922 г. и увеличилась лишь до 68 и 64% в 1923 г. Во всей европейской части России, по сравнению с 1916 г., размер обрабатываемых земель составлял 73% в 1921 г., 62% в 1922 г., 74% в 1923 г. и (согласно пока еще неполным данным) более 85% в 1924 г. Промышленное производство упало в 1920 г. до 15% довоенной продукции и повысилось до 45% в 1923 г.

¹⁰ Обращение Центрального комитета Коммунистической партии в июле 1924 г.

границе, вдруг пробудившийся интерес к Бессарабскому вопросу и к восточным окраинам Польши, которые ей так легко уступили, подписав Рижский договор.

Как бы то ни было, резкий поворот географического направления движения масс наблюдается не только в России. Можно провести достаточно близкую параллель между событиями в Турции¹¹ и в России (существует, впрочем, некоторая связь между ними), так как и гражданская война в России, и кемалистское движение, возможно, были ответом стиснутого населения, которое сперва устремилось в направлении, противоположном тому, откуда исходило давление: изгнанные из Европы, теснимые греками даже в Анатолии, турки набросились на Армению в истребительном и колонизаторском движении на старинный манер. Это движение остановилось в тот момент, когда оно слилось с последней волной массового русского притока, который перешел через горы (разделение Закавказья между Советами и Турцией в 1920-1921 гг.); турки же противостояли Западу, изгоняя из Малой Азии не только греческую армию, но и греческое население.

Несколько других событий, таких как интенсивная итальянская иммиграция во Францию (после провала больших планов итальянской экспансии на восток), поражение рейнских сепаратистов и др. позволяют думать, что мы вступили в новый период движения в западном направлении.

Но пока кажется, что это лишь отступление после великих перемещений на восток, какими были мировая война и вызванные ею последующие движения. Вряд ли сейчас есть основания опасаться новой угрозы для мира во всем мире. Что же до будущего, то все будет зависеть от соотношения между темпом вынужденных перемещений масс и темпом экономического и социального развития, которое ослабляет интенсивность этих перемещений и смягчает шок вызываемых ими потрясений. Тот факт, что мы начинаем осознавать задачу объединения сознательных усилий всего мира, дает надежду, что над страшным механизмом, который приносит столько страданий человечеству, будет одержана окончательная победа.

ЛИТЕРАТУРА

- А. [вероятно, А.М. Кулишер – М.Т.] (1920). Посмертный труд М.И. Кулишера // Вестник литературы. №1 (13): 11.
- Кейнс Дж. (1991). Россия. Пер. по «Manchester Guardian Commercial». 1922. 6 July // Социологические исследования. № 7: 146-148.
- Кулишер М.И. (1887). Механические основы передвижения масс // Вестник Европы. №8: 597-635.

¹¹ Речь идет о выступлении турецких патриотов во главе с Мустафой Кемалем после поражения Османской империи в Первой мировой войне, в результате которого удалось добиться ликвидации марионеточного правительства султана и оккупационного режима Антанты. – М.Т.

- Тольц М. (2014). Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // Демоскоп Weekly. №603-604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/наука04.php> (дата обращения: 24.09.2014).
- Ferrara A. (2011). Eugene Kulischer, Joseph Schechtman and the Historiography of European Forced Migrations // *Journal of Contemporary History*. 46(4): 715-740.
- Kulischer M. (1876). *Das Leben Jesu*. Leipzig: Otto Wigand.
- Koulicher A. (1924). La théorie des mouvements des peuples et la guerre civile en Russie // *Revue internationale de sociologie*. 32: 492-507.
- Kulischer E.M. (1943). *The Displacement of Population in Europe*. Montreal: International Labour Office.
- Kulischer E.M. (1948). *Europe on the Move: War and Population Changes, 1917-1947*. New York: Columbia University Press.
- Kulischer A., E. Kulischer (1932). *Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung*. Berlin - Leipzig: Walter de Gruyter.
- Schlögel K. (2005). Verschiebebahnhof Europa. Joseph B. Schechtmans und Eugene M. Kulischers Pionierarbeiten // *Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History*, Online-Ausgabe. 2(3). URL: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Schloegel-3-2005> (дата обращения: 24.09.2014).

THE THEORY OF THE MOVEMENT OF PEOPLES AND THE CIVIL WAR IN RUSSIA *

ALEXANDER KULISHER

ALEXANDER KULISHER (KULISCHER, KOULICHER; 1890-1942).

DATE RECEIVED : APRIL 2014.

*This publication is a Russian translation of A. Koulicher's 1924 French language article *La théorie des mouvements des peuples et la guerre civile en Russie* // *Revue internationale de sociologie*. 32: 492-507. The article presents for the first time in full the theory of migration developed by the famous Russian sociologist Mikhail Ignatyevich Kulisher [Michael Kulischer] (1847-1919). The author of the article, Alexandre Koulicher [Alexander Kulischer] (1890-1942), the son of M. Kulisher, applied his father's theory to the study of the Russian Civil War. The translation of the article is supplemented with a preface and helpful explanations. In the preface is presented the history of M. Kulisher's work on migration theory and its subsequent application in the original works of his sons, Alexander Kulischer and Eugene Kulischer, who became well-known experts in the field of migration studies.*

Key words: *theory of migration, wars and migrations, Mikhail Ignatyevich Kulisher [Michael Kulischer] (1847-1919), the Russian Civil War (1918-1922).*

* TRANSLATION OF THE ORIGINAL ARTICLE ALEXANDRE KOULICHER (1924). LA THÉORIE DES MOUVEMENTS DES PEUPLES ET LA GUERRE CIVILE EN RUSSIE // REVUE INTERNATIONALE DE SOCIOLOGIE. N°32: 492-507. TRANSLATED BY INNA PERESADA.

PREFACE AND COMMENTS BY MARK TOLTS.

MARK TOLTS, HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM. ISRAEL. E-MAIL: mark.tolts@mail.huji.ac.il.

REFERENCES

- A. [probably, A.M. Kulisher - M.T.] (1920). Posmertnyy trud M.I. Kulishera [Posthumous work of M.I. Kulisher] // *Vestnik literatury* [Bulletin of literature]. №1 (13): 11.
- Ferrara A. (2011). Eugene Kulischer, Joseph Schechtman and the Historiography of European Forced Migrations // *Journal of Contemporary History*. 46(4): 715-740.
- Keynes J. (1991). Rossiya [Russia] // *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies]. № 7: 146-148
- Kulisher M.I. (1887). Mekhanicheskiye osnovy peredvizheniya mass [Mechanical foundations of the movement of the masses] // *Vestnik Yevropy* [Herald of Europe]. №8: 597-635.
- Kulischer M. (1876). *Das Leben Jesu*. Leipzig: Otto Wigand.
- Koulicher A. (1924). *La théorie des mouvements des peuples et la guerre civile en Russie* // *Revue internationale de sociologie*. 32: 492-507.
- Kulischer E.M. (1943). *The Displacement of Population in Europe*. Montreal: International Labour Office.
- Kulischer E.M. (1948). *Europe on the Move: War and Population Changes, 1917-1947*. New York: Columbia University Press.

- Kulischer A., E. Kulischer (1932). *Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung*. Berlin - Leipzig: Walter de Gruyter.
- Schlögel K. (2005). *Verschiebepark Europa*. Joseph B. Schechtman und Eugene M. Kulischer's Pionierarbeiten // *Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History*, Online-Ausgabe. 2(3). URL: <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Schloegel-3-2005> (date accessed: 24.09.2014).
- Tolts M. (2014). *Vklad sem'i Kulisherov v mirovuyu migratsiologiyu [Kulisher family contribution to the world migration studies]* // *Demoscope Weekly*. №603-604. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0603/nauka04.php> (date accessed: 24.09.2014).